

Здесь нет
романтики

Александр Серафим-Петров

18+

Александр Серафим-Петров

Здесь нет романтики

«Автор»

2026

Серафим-Петров А.

Здесь нет романтики / А. Серафим-Петров — «Автор», 2026

Три года и три с лишним сотни записей в общей тетради. Командир разведроты прошёл путь от снайперской тройки до управления батальоном, через Авдеевку, Торезк, Покровск и Доброполье. На страницах сходятся документ, портрет, проповедь, методическая записка и письмо домой. Между сухими сводками — лица бойцов, эвакуации, похоронки, мысли о вере, страхе, смысле и предательстве. Собираательный портрет героя нашего времени, командира разведроты, сшитый из открытых дневников, интервью и публичных свидетельств тех, кто прошёл эту войну. Книга не о геройстве, не о трусости и не о победе. Она о том, что у воина внутри удерживается, когда снаружи горит всё. И почему «здесь нет романтики» оказалось самой честной строкой за все эти годы.

© Серафим-Петров А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Записки командира разведроты	5
Январь 2023 / май 2026	5
Оглавление	6
Пролог	7
Глава 1. Снайперский взвод	9
Полигон	9
Мосинки	11
Снаряга и автомобили	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Александр Серафим-Петров

Здесь нет романтики

Записки командира разведроты

Январь 2023 / май 2026

* * *

Оглавление

- Пролог
- Глава 1. Снайперский взвод
- Глава 2. Первый круг ада. Серая зона под Авдеевкой
- Глава 3. День разведчика. Командир роты
- Глава 4. Труба. Взятие Авдеевки
- Глава 5. Жара. От Авдеевки к Торезку
- Глава 6. Торезк. Командир в городе
- Глава 7. Покровск. Бессрочный контракт
- Глава 8. Мои пацаны
- Глава 9. О духовном
- Глава 10. О командирах и солдатах
- Глава 11. Тыл, ветераны, ПТСР
- Глава 12. Матчасть
- Глава 13. Кольцо вокруг Доброполя
- Эпилог
- * * *

Пролог

Меня зовут Алексей. Позывной Корень. До войны я был дизайнером, сидел над макетами и сетками, ездил по объектам, носил наушники в метро и не думал, что когда-нибудь сменю всю эту тишину больших городов на ровный гул генераторов, треск рации и сухой шорох ветра в обугленных посадках. Срочную отслужил в армейском спецназе: поле, лес и хорошая школа, в которой выучился молчать там, где другие говорят, и говорить там, где другие молчат. В восемнадцать лет это виделось чем-то очень крутым и романтичным; в первый же день взгляды подкорректировались. Тогда же, в срочку, я случайно попал в разведку, и спустя двадцать лет, уже на этой войне, тоже совершенно случайно снова оказался в ней, на месте тех, на кого тогда смотрел снизу вверх. Даже представить не мог себя на этом месте. Потом много лет на гражданке: военно-тактические игры, страйкбол, десятки и десятки полевых мероприятий, которые я организовал и провёл сам, не очень понимая в тот момент, что выстраиваю себе под ногами не то хобби, не то будущую профессию.

Этот дневник я начал вести в конце января двадцать третьего года. Тетрадь у меня самая обыкновенная: общая, в клетку, с серой жесткой обложкой; я взял её на гражданке в большом канцелярском магазине, между папками для бухгалтерских отчётов и наборами цветных карандашей. Тогда я как раз формировал свой первый набор в наше снайперское подразделение, и первая запись вышла больше похожей не на размышление, а на объявление о найме. Я перечислял всё по пунктам, въедливо, как привык на гражданке писать технические задания. Тройка из двух снайперов и стрелка-наблюдателя. Контракт на год с вероятностью остаться до конца. Работа на современных высокоточных стрелковых комплексах: ORSIS T5000, Lobaev DXL, ОСВ-96*. Прицелы NightForce и Vortex**. Тепловизоры и предобъективные насадки. Требования к человеку: возраст от двадцати пяти до сорока, минимум десять подтягиваний, отсутствие судимости, отсутствие вредных привычек, спокойный темперамент и наличие идеологической основы. Заканчивалось всё короткой строкой, на которой я отдельно настоял: здесь нет романтики, вас ждёт тяжёлая физическая и мозговая деятельность в заряженном коллективе.

Я и сейчас, спустя три с лишним года, ничего бы не убрал и ничего не добавил. Эта строчка оказалась самой честной из всего, что я тогда написал, и оказалась пророческой больше, чем любая мудрая фраза в этой тетради.

Где-то на этой же неделе, ещё до всех сборов, я зашёл в маленькую часовню рядом со своим тогдашним офисом. Часовня была без священника, в ней горела одна лампадка, и тётушка за свечным ящиком, узнав, зачем я зашёл, молча вынула из-под прилавка маленькую бумажную иконку Серафима Саровского и сунула её мне без слов. «Радость моя», говорил Серафим каждому. На вид мне в тот вечер от такого приветствия было точно не радостно, я больше думал о вещах прикладных: какой контракт подписан, какие сроки, кто из моих ребят со мной едет. Но иконка эта потом прошла со мной все три года: лежала в нагрудном кармане под бронёй, выгорала от пота, сгибалась от тесноты, желтела от копоти, и каждое утро, ставя её обратно ровнее в карман, я понимал, что её приветствие «радость моя» вовсе не про то, чтобы было весело, а про то, чтобы внутри не выгорало то, ради чего стоит дальше идти.

Через сутки после этого объявления я записал короткую заметку про мосинку***. Что есть в этой винтовке что-то родное, своё, домашнее, особенно когда понимаешь, что твои деды и прадеды воевали именно с ней, держали её в окопах, чистили промасленной тряпицей, передавали из рук в руки, как передают молоток в большой работающей семье. Дерево приклада тёплое от ладони, гладкое от десятилетий чужих ладоней до тебя, на металле лёгкая патина, по которой видно, что этой винтовкой жили, а не хвастались. Между этими двумя записями,

между сухим объявлением о найме и тёплой мыслью о мосинке, укладывается всё, что было дальше. Всё, что вы прочитаете в этой тетради.

В рюкзаке у меня тогда лежало несколько книжек, отобранных с домашней полки почти наугад: томик Лермонтова, потрёпанный Лесков, военные мемуары моего деда и тонкая, в мягкой обложке, книжица Феофана Затворника, «Что есть духовная жизнь и как на неё настроиться». Жена положила её сама, ничего не сказала; я тоже не стал спрашивать. Уже потом, через год, в одной из деревень в серой зоне под Авдеевкой, в блиндаже с печкой-капельницей, я открою её случайно и наткнусь на простую мысль про то, что начинать надо с того места, где ты есть, а не с того, где тебе хотелось бы быть. Из всех напутствий, которые я тогда получил при сборах, эта оказалась самой рабочей. И ту маленькую книжку я с собой потом таскал из подразделения в подразделение, как другие таскают любимый нож или часы.

Здесь же надо сказать одну простую вещь, без которой всё остальное в этой тетради повисает в воздухе. По интервью могло сложиться впечатление, что жена меня на фронт отправила. Это, конечно же, не так. Решение моё. Однако, когда у тебя семья и дети, без согласия супруги такие шаги не делаются. И никакой защитой Родины самовольное оставление семьи не оправдать. Само по себе такое согласие гораздо более серьёзное и трудное личное решение, чем уход на войну по желанию. Ценность его не измерить. У Оптинских старцев в письмах к семейным мирянам проходит простая мысль: брак не есть приватная история двоих, это совместное несение креста, в котором никто не имеет права за другого решать в одиночку. Иоанн Кронштадтский, у которого у самого брак был очень особенный, в «Моей жизни во Христе» где-то пишет, что муж и жена соединены не для удобства, а для того, чтобы вместе нести то, что одному не вынести. Этой фразой я внутри много раз утешался в самые тяжёлые отпуска, когда возвращаться обратно к ребятам было физически тяжело, а оставаться дома уже не получалось.

* ORSIS T5000, Lobaev DXL, OCB-96 — российские высокоточные снайперские винтовки. ORSIS T5000 — болтовая магазинная винтовка под патроны .308 Win и .338 Lapua Magnum, серийная с 2011 года, известна точностью попадания на дистанции свыше километра. Lobaev DXL — серия дальнобойных винтовок конструкции Владислава Лобаева под мощные патроны .338 LM, .408 CheyTac, .50 BMG; рабочая дистанция свыше двух километров. OCB-96 — крупнокалиберная самозарядная снайперская винтовка калибра 12,7 мм тульской разработки; способна поражать лёгкую технику и укрытия на дистанции до 1800 метров. ** NightForce и Vortex — американские производители оптических прицелов высокого класса. NightForce ATACR и Vortex Razor HD Gen II — модели, популярные у современных снайперов; обеспечивают чёткое наведение на дистанциях свыше полутора километров, переменную кратность, маркированные баллистические сетки. *** Мосинка — винтовка системы Мосина-Нагана образца 1891/30 года, калибр 7,62x54R. Принята на вооружение русской армии в 1891 году, прошла обе мировые войны. Современный снайперский вариант называется СВМ (снайперская винтовка Мосина) и до сих пор используется благодаря дешёвому патрону и высокой кучности.

* * *

Глава 1. Снайперский взвод

Полигон

Первые месяцы у нас юг, глубокий тыл, далеко от линии боевого соприкосновения. Полигон, обустройство быта, приёмка снаряжения. Записи мои в этот период похожи на дневник методиста-инструктора, и сейчас, перелистывая страницы, я вижу в них больше счёта и описи, чем чувств: цифры калибров, номера партий, фамилии бойцов, отметки о пройденных нормативах. Мы готовим новые винтовки к работе, проводим занятия по баллистике, корректировке артиллерии, выверке оптики в ноль. Обкатываем z-бинты* для тампонады**, эффективность по сравнению с обычным бинтом несомненная; в эту партию забыли подмешать краситель, и я с лёгкой досадой записал, что в следующий раз будем пачкаться красным, как и положено, чтобы человек привыкал к виду крови заранее, а не на поле, когда учиться уже поздно.

В свободные часы между занятиями я открывал ту самую книжку Феофана и сидел с ней на ящике из-под боеприпасов, прислонившись к стене палатки. Подчёркивал в ней карандашом одну, иногда две строчки за вечер, чтобы потом возвращаться. Феофан там пишет очень просто, без надрыва: что внутренний человек устраивается не сразу, что путь начинается с малого порядка, с того, что ты делаешь руками каждый день. И я тогда впервые подумал, что между нашей армейской методичкой по такмеду и его строчками про устройство внутренней жизни разницы по сути меньше, чем кажется. И там, и там речь про дисциплину, про повторение, про то, чтобы не дать рассыпаться. Только в одном случае дисциплина спасает тело, в другом душу.

Параллельно с винтовками настраиваем медицину. Я делаю тренажёры для тампонады из обычной плотной резины с разрезом, в который засовывают палец-имитацию раны, заодно беру у хозяйственников куски старого шланга и тренируемся прижимать сонную. Заказываю окклюзионные пластыри, изучаю и преподаю протокол MARCH***, рисую на маркерной доске схемы, в которых стрелка от литеры к литере должна стать в голове бойца такой же автоматической, как дорога с дивана до холодильника ночью. На уроки приношу учебный жгут САТ**** с потертой синей лентой, показываю, как затянуть его одной рукой за пять секунд, как пометить время на ноге фломастером, как зафиксировать. Объясняю пацанам простые вещи, которые им потом будут спасать жизнь: что у каждого должна быть личная аптечка, что турникет***** и жгут это разные штуки, каждая занимает своё место, что нельзя надеяться на санинструктора, потому что в нужный момент рядом будет только тот, у кого свой жгут и свои руки. Учю проверять состав аптечки раз в две недели: гель в шприц-тюбике может высохнуть, бинт в нестираемой упаковке может перестать раскрываться, у термоодеяла может потрескаться плёнка. У войны нет жалости к человеческой беспечности; здесь беспечность стоит дороже всего, что ты успел купить за свою предыдущую жизнь. Слушают по-разному. Кто-то записывает в блокнотик, кто-то улыбается и кивает, и я по этим улыбкам уже понимаю, кто из них первым побежит ко мне с вопросом, когда жмякнет.

* Z-бинт (Z-fold bandage, гемостатический бинт) — бинт с пропиткой кровоостанавливающим составом (каолином или хитозаном), сложенный «гармошкой» для быстрой подачи в рану. Используется для тампонады кровотечений в местах, куда жгут не накладывается: шея, пах, подмышка. ** Тампонада — туго забить рану плотным материалом, прижимая

повреждённый сосуд изнутри, чтобы остановить кровотечение. Главный приём тактической медицины при ранениях в junctional-зоны (соединительные точки тела). *** MARCH — мнемонический протокол тактической медицины: Massive bleeding (массивное кровотечение), Airway (дыхательные пути), Respiration (дыхание), Circulation (кровообращение), Hypothermia / Head (гипотермия / голова). Последовательность приоритетов при оказании первой помощи в бою; разработана американской армией, повсеместно принята на современном фронте. **** CAT (Combat Application Tourniquet) — стандартный армейский кровоостанавливающий жгут с пластиковой воротковой ручкой американской разработки. Накладывается одной рукой за пять-десять секунд; синяя лента — учебная версия для тренировок. ***** Турникет — кровоостанавливающий жгут с механическим воротком, в отличие от классического резинового жгута ленточного типа. Накладывается на конечность выше места ранения и пережимает артерию; на современной войне это, как правило, CAT или его аналог.

Мосинки

Один из первых споров, который я заносу в тетрадь, это обсуждение винтовок Мосина. Я вытаскиваю со склада новенькие винтовки сорок третьего года, тёмные от старого масла, с патиной на затворах, и в подразделении сразу поднимается недоумение: кто-то усмехается, кто-то качает головой. Ну, мы же не на штыковую атаку едем, командир. Я поясняю спокойно, по-инженерному, без раздражения. Состояние большинства СВД, которые сейчас лежат в оружейке, оставляет желать лучшего: расход ствола, разболтанные крепления, оптика, ушедшая в ноль ещё в прошлой войне. И чтобы закрыть рабочую дистанцию от четырёхсот до восьмисот метров, СВМ в данном случае оказывается вариантом более разумным, в том числе по патрону. Тюнинг в первую очередь нужен для установки сошек и нормальных прицелов; всё остальное уже фантазия, на которую у нас нет ни времени, ни денег.

Мосинку 2.0 нам доводят в мастерской «CNC Guns Custom», цена вопроса сто пятьдесят тысяч рублей за винтовку. Параллельно мы осваиваем релоудинг, то есть самостоятельное снаряжение боеприпасов. Зачем нам это нужно? В первую очередь для сокращения стоимости патрона. В нашем случае примерно в четыре-пять раз. Когда у тебя оптика, считающая до десяти километров, и патрон по двести рублей штука, релоудинг очень быстро превращается из хобби в производственный участок: весы, прессы, ящики с гильзами, банки с порохом, тетрадь с цифрами на столе под жёлтой лампой, пыль пороха в ноздре и тонкий запах оружейного масла на кончиках пальцев, который потом не смывается ни одним мылом. Так получается, что я заодно становлюсь и начальником этого участка, без приказа, просто потому, что больше некому.

Снаряга и автомобили

Подразделению постепенно строят парк техники. Нам дарят Ниву от «Клубного сервиса», облупленную, но живую, с зелёной краской, проступающей сквозь свежий хаки; бронированный «Соболь» от одного из фондов, тяжёлый, как утюг, с переваренными дверьми и листами по бортам, который при езде кренится на ухабах, как старый рыбацкий баркас. Привозят ночники*, теплаки**, активные наушники***. На полигон заезжают парни из спецназа ВМФ, делятся опытом работы с АГС-17****: спокойно, по-взрослому, без понтов, какие иногда бывают у заезжих гостей; садятся на ящик из-под боеприпасов и говорят, как с соседом по даче, у которого общая проблема с забором. Я записываю каждый рабочий день в дневник, потому что в подразделении это единственный простой способ сохранить методику. Через полгода никто уже не вспомнит, на каком расстоянии мы какие поправки накручивали и в какой партии у патронов какая навеска. А мне нужно, чтобы помнили.

Дневник в этот период ещё не философский. Он каталог. Мы стреляем на тысячу двести пятьдесят, потом на тысячу пятьсот, узнаём на практике, что при стрельбе на полтора километра пуля поднимается над линией прицеливания в пиковой точке почти на девять метров: можно как миномёт работать, накидывая за трёхэтажные дома. Получаю в руки SigSauer Kilo 10k BDX*****: дальномер до десяти километров, баллистический калькулятор, бинокль, метеостанция, всё в одном корпусе, прохладном даже в жару, обтянутом резиной по углам. Штука огненная, но руки до её настоящего освоения толком не доходят: между занятиями вечно влезает то приёмка, то медицина, то проверка из округа. Так и будет лежать в кейсе, на дне рюкзака, под слоем других забот, пока однажды не выберется на свет уже совсем в другом месте и совсем в других обстоятельствах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.